

УДК 94 (477.75)«1941/1944»

НАЦИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА В ГОДЫ ОККУПАЦИИ СИМФЕРОПОЛЯ (1941–1944 гг.)

Савченко А. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nastya.pecherskaya.88@mail.ru*

Проблема признания геноцида народов бывшего СССР в годы Великой Отечественной войны в последнее время вошла в актуальное поле. Необходимость изучения преступлений нацистов и их пособников на оккупированных советских территориях на современном этапе не вызывает сомнений. Приведенные в статье факты, подтверждающие массовое и целенаправленное насилие против мирного населения и советских военнопленных, позволяют понять преступную сущность нацизма и необходимость его осуждения по всей строгости закона. Данная статья представляет собой анализ на основе новых архивных источников злодеяний нацистских захватчиков и их пособников в период временной оккупации Симферополя.

Ключевые слова: нацизм, оккупация, геноцид, Великая Отечественная война, Крым, Симферополь.

Великая Отечественная война для жителей Крыма, как и для всего советского народа, стала временем суровых испытаний и тяжелейших утрат. Долгие два с половиной года оккупации врагом отмечены неисчислимыми страданиями, бедами и разрушениями. Пожалуй, это была самая страшная страница в многовековой истории полуострова. Известно, что наиболее пострадали от нацистских захватчиков такие крупные города Крыма как: Симферополь, Феодосия, Евпатория. Города Керчь и Севастополь – уничтожены до основания.

Актуальность постановки проблемы геноцида народов бывшего СССР связана в настоящее время с попытками фальсификации истории Великой Отечественной войны. Стратегия «замалчивания» истребительской политики оккупантов, преступлений против человечности в наши дни недопустима и требует обнародования. Вопросы о сохранении исторической правды, признании фактов геноцида и недопущения искажений сведений об истребительской войне нацистов в отношении народов Советского Союза сегодня также представляются актуальными.

Историография проблемы геноцида на оккупированных территориях СССР берет свое начало еще до окончания войны, где представлена лишь фрагментарными публикациями о злодеяниях оккупантов. Степень обнародования материалов о зверствах нацистов по отношению к мирному населению в оккупированных регионах была в те годы высокой, однако в целом, в плане научного изучения оккупационного режима и преступлений нацистов, этот период оказался малопродуктивным. И связано это было в первую очередь с тем, что большинство материалов оставались для исследователей недоступными, и, следовательно, введение их в научный оборот не представлялось возможным.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что такое сложное и морально тяжелое событие как война, еще предстояло пережить, осмыслить, для чего требовалось время.

Таким образом, анализируя историографию данной проблемы 1950-х – начала 1980-х гг. становится очевидным, что тема преступлений нацистов против мирного населения, как и проблема оккупации вообще, не относилась к числу приоритетных. Предпочтение отдавалось изучению истории партизанского движения, боевым действиям, героическим подвигам и т.п. И такое соотношение не является случайным. С политической точки зрения, тщательные исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы. Советская историческая наука намеренно игнорировала эти исследования. Неудивительно, что к началу «перестройки» об истребительной войне, которую вели нацисты против всего советского народа, забыли.

Определенный прогресс в изучении всесторонних аспектов оккупации наступил с началом «перестройки» и общей либерализации общественно-политической жизни. Нацистская оккупационная политика становится предметом более полного и всестороннего изучения. Безусловно, это происходит под воздействием зарубежной историографии, многие работы которой стали теперь доступными для советских историков. Этому периоду присущ важный момент: у исследователей появилась возможность работы с ранее недоступными архивными материалами, что привело к положительной динамике в изучении проблем оккупации. Тем не менее, относительно истории Симферополя и Крыма в годы оккупации, за весь послевоенный период и до распада Советского Союза не появилось ни одной комплексной работы. Эту информацию, причем, весьма скудную, можно было почерпнуть из работ, где в целом шла речь о нацистском «новом порядке» или освещалась история партизанского движения. Именно так оккупационный режим рассматривается в 4-м томе «Очерков по истории Крыма» [17] и монографии А. В. Басова [5]. Несомненно, тема нацистских преступлений интересовала исследователей постоянно, однако, приходится констатировать слабую степень изученности данной проблемы к концу советской эпохи.

Параллельно с развитием отечественной историографии тему нацистского оккупационного режима на советской территории освещали и ряд зарубежных ученых. Одним из первых ее поднял американский историк А. Даллин в своей монографии «Немецкая власть в России 1941–1945» [26]. По сути, Даллин явился основателем целого направления в западной историографии, посвященной проблемам оккупации. Тем не менее, его работы и работы его последователей крайне фрагментарно и однобоко освещают проблему нацистского террора на оккупированной территории Крыма и не дают ответов на множество основополагающих вопросов [25; 27; 28].

Проявившийся в последнее время интерес к детальному изучению нацистского геноцида по отношению к советскому гражданскому населению и военнопленным, дал позитивный толчок к появлению новых исследований данной проблемы. Анализ работ, изучающих оккупационный режим в Крыму, позволяет выделить ряд

публикаций современных российских историков, в которых раскрывается сущность, содержание, инструменты и методы проведения немецкой оккупационной политики на территории Крыма, направленной на массовое истребление и уничтожение советского народа. Так, можно указать на работы С. В. Агафонова, В. А. Константинова, М. Б. Кизилова, В. В. Бобкова и О. В. Романько [1; 13; 20–22]. Определенный интерес для историографии представляет документальная повесть Т. Н. Керусовой «Старые фотографии», основу которой составили воспоминания людей, переживших фашистскую оккупацию крымской столицы или хранящих рассказы своих ушедших родственников [12]. В этой связи немаловажно, что научные изыскания современных исследователей способны влиять на умонастроения молодого поколения об историческом прошлом.

В целом, анализируя состояние историографии исследуемой темы, можно сделать вывод, что во многих аспектах данной проблемы еще предстоит разобраться. На сегодняшний день в историографии отсутствуют комплексные научные исследования о проведении нацистской политики геноцида в годы оккупации Симферополя. В существующих научных изысканиях эта картина представлена недостаточно полно, имеется много пробелов и неточностей. Так, не теряют своей актуальности вопросы, связанные с всесторонним изучением нацистской оккупационной политики и проведением системного и продуманного геноцида в отношении мирных жителей и советских военнопленных на оккупированных территориях. В частности, в Симферополе.

Таким образом, целью данной статьи является создание на основе рассекреченных архивных документов полной картины нацистского геноцида в оккупированном Симферополе, подтверждающей преступления нацистов и их пособников против гражданского населения и военнопленных.

С первых дней войны, без преувеличения, Крым занимал особое, значимое место в нацистских планах по завоеванию т.н. «жизненного пространства». Незадолго до нападения на Советский Союз, а именно, 30 марта 1941 г. на совещании высшего нацистского руководства были окончательно сформулированы задачи Германии относительно СССР. Заканчивая свое выступление, А. Гитлер выразился так: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство» [20, с. 13]. Нацисты оценили удачное и выгодное расположение полуострова: находясь здесь, армия и флот могли полностью контролировать акваторию Черного моря. Относительно самого Крыма и его населения у нацистских лидеров были далеко идущие планы – от его превращения в «один огромный немецкий курорт» до германского «Готенланда» [14, с. 284–285]. По большей части многое из запланированного нацистами, так и осталось на уровне фантазий. Однако, уже в течение ноября 1941 г. весь Крымский полуостров, за исключением г. Севастополя, был полностью оккупирован немецко-румынскими войсками. Для уничтожения жителей Крыма нацистское военное руководство создало по всей территории полуострова огромное количество мест принудительного содержания – концентрационных лагерей, тюрем, временных пунктов содержания. Специальные органы функционировали по всему полуострову

одновременно. Силловые структуры и карательный аппарат оккупантов не отличался своеобразными особенностями, т.к. к моменту оккупации Крымского полуострова эта система уже была довольно хорошо отлажена в самой Германии и на других оккупированных территориях.

2 ноября 1941 г. немецкие войска вошли в столицу Крыма – Симферополь. С первых дней оккупации города здесь был установлен жесткий репрессивный режим. Симферопольцев арестовывали и сажали в тюрьмы, расстреливали без суда и следствия. Этим непосредственно занимались разные органы, главными из которых были полиция безопасности и СД, охранная полиция и жандармерия. Данные органы начали создаваться в Симферополе практически с первых дней оккупации.

С момента начала оккупации Симферополя, становление нацистского режима сопровождалось, прежде всего, умиротворением местного населения и устранением лиц, представляющих опасность для «нового порядка» оккупантов, характерной чертой которого был террор. Силами СД и полиции систематически проводились облавы и обыски с целью выявления «подозрительных элементов», зачастую, приводившие к тюремному заключению. Крупнейшие, созданные нацистами тюрьмы, находились на улицах Студенческой, Розы Люксембург и Дзержинского. Из протоколов послевоенных допросов свидетелей оккупации известно, что самым активным карателем в Симферополе, чье появление наводило страх на горожан, был немец по фамилии Хеллер [4, с. 48, 53–54].

Характерными особенностями нацистской репрессивной политики от начала и до конца оккупации были акции устрашения, расстрелы и пр. мероприятия, одновременно запугивающие и уничтожающие мирное население. Так, одним из первых подобных мероприятий в Симферополе стал расстрел 50 мирных жителей на ул. Полигонной. Сердюк Х. С. так описывала после войны этот эпизод: «При вступлении немцев в г. Симферополь, в ноябре месяце, два немецких солдата искали конюшню для размещения лошадей в сараях «Утильзавода». В это время произошел взрыв. Один солдат был убит, второго ранило. После этого немецкое командование объявило, что за погибшего немецкого солдата будет расстреляно 50 человек советских граждан, через некоторое время подошла легковая машина с немецкими начальниками, а за нею линейка, на которой привезли белые платки. Спустя некоторое время подошли грузовые автомашины, на одной из которых были немецкие солдаты, а на двух других автомашинах – советские граждане. Советских граждан быстро разгрузили и повели во двор «Утильзавода». После этого со двора завода начали выводить советских граждан по 8 человек со связанными назад руками и завязанными глазами белыми платками и тут же недалеко от двора завода расстреливали из автоматов. Всего немцы расстреляли 50 человек» [10, л. 4].

Одновременно осуществлялись и более массовые акции террора по отношению к отдельным группам населения, например, уничтожение больных в Симферопольской психиатрической клинике. По архивным данным известно, что на начало оккупации больных в клинике было 700–740 человек. За период с ноября 1941 по март 1942 г. умерло от антисанитарных условий, голода и отсутствия медикаментов 250. Оставшиеся 450 человек были уничтожены 7 марта 1942 г. путем

удушения газами в так называемой «душегубке». Среди жертв было 50 детей в возрасте от 3-х до 14 лет [10, л. 12–13].

Согласно нацистской идеологии, полному физическому уничтожению подлежали т.н. «расово неполноценные элементы» (евреи, цыгане и крымчаки), а также идеологические враги «нового порядка» (партизаны, подпольщики и коммунисты). Функции по выявлению, преследованию и уничтожению этих элементов были возложены на специальный карательный орган – айнзацгруппу «Д», чьи подразделения действовали в крупных городах Крыма, под общим руководством штандартенфюрера СС О. Олендорфа.

Процесс уничтожения расово неполноценных элементов происходил в несколько этапов. Уже в середине ноября 1941 г. все еврейское население, крымчаки и цыгане должны были явиться на регистрацию, где всем евреям приказали носить отличительный знак – шестиконечную звезду. Следующим этапом была обязательная явка в пункт сбора, в строго обозначенную дату и время. Неисполнение приказа каралось публичной казнью, с целью устрашения за неподчинение. Из протокола допроса свидетеля У. Т. Боснаева известно, что подобные акции устрашения происходили на улицах Субхи, Пушкина, Карла Маркса, Гоголя, где вешали евреев, а «к ногам повешенных были прикреплены дощечки с надписью “Повешен за неподчинение”» [4, л. 52]. Наиболее большие пункты сбора в Симферополе были расположены на ул. Лазаретная, 12 (ныне ул. Студенческая, 10), бульвар Ленина (в помещениях Медицинского института), на ул. Гоголя, 14 и на ул. Пушкина (бывший Дом Правительства). Завершающим этапом в процессе очищения оккупированной территории от вышеуказанных элементов была погрузка граждан, явившихся на сборные пункты в автомашины, транспортировка за город на Феодосийское шоссе, где их расстреливали и зарывали в противотанковых рвах [4, л. 47].

Таким образом, на протяжении всего ноября 1941 – августа 1942 г. из 40 тыс. евреев и крымчаков, оставшихся в Крыму на момент начала оккупации, айнзацгруппой «Д» были уничтожены почти все. Подобное происходило и с цыганским населением. Здесь число жертв нацистских репрессий составило примерно 2 тыс. человек или большая их часть на момент начала оккупации [14, с. 287].

Аналогично ситуация складывалась и с «враждебными элементами» или «идеологическими врагами» (по мнению нацистов) – партизанами, подпольщиками и коммунистами, которые оказывали существенное сопротивление установлению новой власти. Причем, в качестве меры наказания были как мероприятия по уничтожению, так и заключение в «местах принудительного содержания» – тюрьмах и концлагерях. Как правило, после длительных допросов и пыток, их, по заведенному порядку, отправляли в самый большой в окрестностях Симферополя концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный», где последующая судьба узников была predetermined: либо голодная смерть, либо физическое уничтожение.

Концлагерь «Красный», созданный летом 1942 г. в с. Мирное Симферопольского р-на, был самым крупным лагерем для советских граждан на территории Крыма. Попадая в это место, человек терял привычные ориентиры, где лагерная система была устроена так, чтобы не только уничтожить человека физически – голодом, систематическими побоями, расстрелом, наконец, особое значение играло моральное уничтожение личности через унижение, подавление человеческого достоинства, издевательство и устрашение. Известно, что в концлагерь попадали не только жители столицы Крыма, но и других местностей, причем массовый наплыв узников приходится на осень 1942 – лето 1943 г., когда в лагере находились тысячи заключенных. Архивные источники свидетельствуют, что первая массовая ликвидация заключенных, когда одновременно было расстреляно около 1,5 тыс. человек, произошла 27 октября 1943 г. [10, л. 24]. В ходе освобождения Крыма Красной армией и отступления немцев из Симферополя, в апреле 1944 г. нацистами было принято решение о полном уничтожении всех узников концлагеря общей численностью около 2 тыс. человек. В большинстве случаев, они были расстреляны в первой декаде апреля 1944 г. В связи с этими событиями широкую известность получил находящийся на территории т.н. колодец. Так, М. К. Чурилова свидетельствовала: «В ночь с 10 на 11 апреля 1944 года с 20 часов до 3-х часов утра поодиночке и мелкими группами выводили заключенных и живыми сбрасывали в колодец глубиной до 26 метров. С места казни слышались отчаянные крики заживо погребенных людей» [10, л. 25]. При вскрытии и изъятии из колодца трупов лишь у 8-ми мужчин в верхних слоях и 2-х женщин были обнаружены при медицинском освидетельствовании пулевые ходы, остальные же, в том числе дети, сброшены в колодец живыми. У ряда замученных были найдены записки, датированные 7–10 апреля 1944 г. с просьбой к родным о присылке им питания. Всего же, из колодца было извлечено 76 трупов, остальные же, в общей сложности около 175, извлечь не удалось. Таким образом, общее число жертв трагедии колодца примерно 245–250 человек [8, л. 10; 10, л. 27].

Всего же за почти два года функционирования концлагеря, с лета 1942 по 12 апреля 1944 г., нацисты уничтожили здесь различными способами – путем удушения, расстрела, сожжения на кострах-крематориях и сбрасыванием в колодец более 15 тыс. человек [13, с. 383]. В связи с этим, Крымской чрезвычайной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников было установлено, что территорию бывшего совхоза «Красный» немецкие оккупанты и их пособники использовали как место массового истребления советских людей.

Местом жестоких расправ в Симферополе был не только концлагерь «Красный». Так, постоянные казни происходили в балке у с. Дубки, на 6-м километре Николаевского шоссе, куда пригоняли на расстрел из тюрьмы СД и лагерей партизан, подпольщиков и мирных жителей. Определение количества жертв оккупантов на этом участке приобрело затяжной и продолжительный характер. И связано это, прежде всего, с тем, что новый виток в расследовании злодеяний гитлеровцев связан со случайной находкой рабочих строительного управления,

которыми в ходе проведения земляных работ были обнаружены человеческие кости. Это произошло 30 сентября 1970 г. Эксгумацию останков начали уже 2 ноября и продолжали в течение месяца. Масштаб трагедии потрясает – выявлено 26 отдельных расстрельных мест с человеческими останками общей численностью приблизительно 1413 человек. Среди жертв – мужчины, женщины и дети, даже инвалиды, с руками, связанными металлической проволокой за спиной у большинства [13, с. 342].

Трупами убитых наполнен и противотанковой ров в Курцовской балке, находящийся в 3-х километрах от Симферополя – еще одно место массовых казней советских граждан. «По степени разложения трупов, деформации костей скелетов, а также по свидетельским показаниям, установлено, что расстрелы советских людей у противотанкового рва производились с апреля 1942 по лето 1943 г. Несмотря на душераздирающие крики, палачи привозили жертв как в закрытых, так и в открытых машинах, зачастую в одном белье, расстреливали у края противотанкового рва и сбрасывали вниз. При раскопках установлено, что на территории противотанкового рва одновременно было замучено и расстреляно не менее 336 человек мирных граждан» [7, л. 25; 10, л. 6].

Составной частью нацистской репрессивной системы были лагеря для советских военнопленных. Это несколько другая категория жертв, здесь применялись довольно жесткие меры наказания и условия пребывания, т.к. именно среди военнослужащих могли возникнуть очаги сопротивления, что нередко приводило к побегу узников. Поэтому для оккупантов очень важно было подавить все подобные стремления, например голодом. В целом, в годы оккупации на территории Симферополя, согласно «Справке о дислокации лагерей, созданных немецко-фашистскими захватчиками» действовали следующие места, где содержались советские военнопленные [3].

Дулаг 241 (от нем. Durchgangslager) – постоянный фильтрационный лагерь на территории бывшего овощехранилища «Картофельный городок». Он располагался по ул. Ж. Жигалиной, 11–15 (сейчас 17) и действовал в течение всего периода оккупации полуострова, являясь самым крупным по численности прошедших через него военнопленных на территории Крыма. Архивные источники свидетельствуют, что через него прошли до 140 тыс. советских военнопленных [4, л. 49]. Одновременно в лагере находилось до 6 тыс. человек, из которых ежедневно умирало около 50 [3, л. 188]. Согласно сведениям советских послевоенных комиссий, в течение ноября 1941 – начала 1942 г. в концлагере мучительной смертью от голода, тифа и побоев погибло до 6 тыс. советских военнопленных [13, с. 62].

Пересыльный лагерь для военнопленных по ул. Гоголя, который располагался в смежном квартале с лагерем Дулаг 241 по ул. Ж. Жигалиной, 1–7 до пересечения с ул. Гоголя, 100. В лагере одновременно содержалось до 3,5 тыс. человек, поступающих, в основном, из «Картофельного городка», с целью их дальнейшей отправки в лагеря на территории Украины и Германии.

Пересыльный лагерь в помещениях бывшей тюрьмы по ул. Дзюбанова, 2–4 в Железнодорожном районе в 500 метрах от станции. В первые дни оккупации в лагерь прибыло до 3 тыс. военнопленных. В целом, схема его функционирования была полностью идентична с лагерем по ул. Гоголя.

Также местом массового содержания пленных стало помещение бывшего роддома около клинического городка областной психиатрической больницы, где размещались одновременно до 500 советских военнопленных. Известно, что узников здесь использовали на хозяйственных работах подсобного хозяйства этой же больницы, где с марта 1942 г. размещался немецкий военный госпиталь [3, л. 189–190].

Следует подчеркнуть, что трагедия советских военнопленных не была следствием стечения обстоятельств, их судьба была predetermined еще до нападения Германии на Советский Союз. Не секрет, что отношение к пленным красноармейцам не укладывалось в нормы международного права, здесь явно целенаправленно проводилась политика уничтожения и истребления народа. В итоговом докладе Крымской Республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от сентября 1945 г. утверждалось, что за годы оккупации нацисты расстреляли и замучили в Крыму около 45 тыс. советских военнопленных, из них только в Симферополе – 12 тыс. [9, л. 3].

13 апреля 1944 г. Симферополь был освобожден от оккупантов. За эти долгие два с половиной нелегких года страницы истории города были насыщены разными, порой неприятными и страшными событиями, которые касались всех сфер жизни населения, имели разный масштаб и по-разному отражались на жителях столицы Крыма. До начала оккупации в городе проживало около 150 тыс. человек, после освобождения их число составило около 68 тыс., то есть население сократилось более чем в два раза [13, с. 376].

В настоящее время, используя результаты Федерального проекта «Без срока давности», Следственный комитет Российской Федерации возбудил в 2019–2023 гг. уголовные дела по ст. 357 УК РФ (геноцид), связанные с убийствами мирных жителей и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. В ходе следствия проводились допросы и систематизировались показания не только свидетелей и очевидцев событий, но и бывших узников концлагерей. Проводится активная поисковая и архивная работа – осматриваются места массовых захоронений жертв, выявляются ранее неизвестные массовые захоронения. В связи с чем, появляются основания для возобновления производства ранее приостановленных или прекращенных уголовных дел ввиду обнаружения новых вещественных доказательств. Так, собранные в ходе предварительного следствия материалы направляются в Генеральную прокуратуру РФ в обоснование исков о признании преступлений, совершенных нацистами в отношении мирных жителей и советских военнопленных, военными преступлениями и преступлениями против человечности.

С учетом полученных при расследовании уголовных дел материалов, на сегодня уже во многих регионах Российской Федерации прошли судебные процессы, признавшие нацистскую оккупацию геноцидом советского народа. В том числе, представилась возможность дать такую оценку и нацистскому оккупационному режиму на территории Крыма. Инициаторами в проведении следственного дела стали потомки пострадавших в годы временной оккупации полуострова, а также Государственный Совет Республики Крым. В ходе заседаний были допрошены непосредственные очевидцы событий и свидетели, исследованы письменные документы по делу, заслушаны пояснения специалистов о фактах целенаправленного уничтожения советского народа на территории Крыма. Спустя много десятилетий, на состоявшихся заседаниях Верховного суда Крыма было признано, что на территории региона нацисты развернули геноцид. 7 июля 2022 г. суд постановил «Признать установленные и вновь выявленные преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками против не менее 219 тыс. мирного населения и военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории Республики Крым и города Севастополя – ранее Крымской АССР – военными преступлениями, преступлениями против человечества... геноцидом национальных и этнических групп, представляющих собой население СССР» [19].

Оккупация Крыма длилась долгие 865 дней. За этот период нацисты и их пособники расстреляли около 72 тыс. мирных жителей, примерно 18 тыс. человек замучили в тюрьмах и лагерях, уничтожили разными способами около 45 тыс. советских военнопленных, а около 85 тыс. угнали на работы в Германию. Для Симферополя эти цифры выглядят соответственно следующим образом: 1 952, 8,7 тыс., 12 тыс. и 176 человек [9, л. 3].

Подводя итог, следует отметить тот факт, что нацистам в Крыму и Симферополе удалось сформировать полноценный эффективный оккупационный аппарат, с помощью которого до определенного момента на оккупированных территориях можно было проводить массовые репрессии и карательные акции. Проанализировав действия нацистского режима в годы временной оккупации г. Симферополя, приведя ряд неоспоримых фактов, подтвержденных свидетельствами многочисленных очевидцев о зверствах оккупантов в отношении крымчан, становится понятно, что на оккупированных территориях нацисты осуществляли геноцид. Нет никаких сомнений, что дальнейшие исследования выявят дополнительные сведения, подтверждающие преступления нацистов и их пособников в отношении мирных граждан и советских военнопленных. Тем не менее, в настоящее время с уверенностью можно говорить о том, что геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны – это сознательная и целенаправленная политика Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Агафонов С.В. История не обманывает: концлагерь на территории совхоза «Красный» / С. В. Агафонов. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 174 с.

- Agafonov S.V. Istorija neobmanyvaet: konclager' na territorii sovhoza «Krasnyj» / S. V. Agafonov. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 174 s.
2. Аристов С. В. TERRAINCOGNITA: система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.) / С. В. Аристов. М.: Яуза-каталог, 2022. 432 с.
- Aristov S. V. TERRAINCOGNITA: Sistema nacistских konclagerej na okkupirovannoj territorii SSSR (1941–1944 gg.) / S.V. Aristov. M.: Jauza-katalog, 2022. 432 s.
3. Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Arhiv UFSB Rossii po Respublike Krymu i g. Sevastopolju. F. 100. D. 8.
4. Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Arhiv UFSB Rossii po Respublike Krymu i g. Sevastopolju. F. 100. D. 17.
5. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / А. В. Басов. М.: Наука, 1987. 334 с.
- Basov A.V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 / A. V. Basov. M.: Nauka, 1987. 334 s.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп.1. Д.31. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. P-156. Op.1.D. 31.
7. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 1.
8. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2а. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 2a.
9. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 18.
10. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1 Д. 65. GARK. F. R-1289. Op. 1.D. 65.
11. Гольденберг М. А. Нацистский геноцид советских военнопленных в Крыму. 1941–первая половина 1942 гг. / М. А. Гольденберг // «Севастопольский Нюрнберг»: К 70-летию Севастопольского судебного процесса по делу о злодеяниях фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь, 2017. С. 35–41.
- Gol'denberg M. A. Nacistский genocide sovetskih voennoplennyh v Krymu. 1941–pervajapolovina 1942 gg. / M.A. Gol'denberg // «Sevastopol'skij Njurnberg»: K 70-letiju Sevastopol'skogo sudebnogo processa po delu o zlodejanijah fashistskih zahvatnikov v Krymu i na Kubani: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sevastopol', 2017. S. 35–41.
12. Керусова Т. Н. «Старые фотографии» / Т. Н. Керусова. Симферополь: Таврида, 2018. 202 с. Kerusova T. N. «Staryefotografii» / T. N. Kerusova. Simferopol': Tavrida, 2018. 202 s.
13. Константинов В. А., Кизилов М. Б., Бобков В. В. «Красный»: История нацистского лагеря смерти / В. А. Константинов, М. Б. Кизилов, В. В. Бобков. Симферополь: АРИАЛ, 2021. 412 с. Konstantinov V. A., Kizilov M. B., Bobkov V. V. «Krasnyj»: Istorija nacistского lagerja smerti / V. A. Konstantinov, M. B. Kizilov, V. V. Bobkov. Simferopol': ARIAL, 2021. 412 s.
14. Крым: Страницы истории с древнейших времен и до наших дней / под ред. В. Н. Рудакова. М., 2019. 424 с. Krym: Stranicy istorii s drevnejshih времен i do nashih dnei / pod red. V. N. Rudakova. M., 2019. 424 s.
15. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь: Антиква, 2015. 224 с. Lager' smerti: sovhoz «Krasnyj» / sost. G. N. Grzhibovskaja. Simferopol': Antikva, 2015. 224 s.
16. Лампа и дымоход: литературный журнал. 2011. № 1–3. Lampa i dymohod: literaturnyj zhurnal. 2011. № 1–3.
17. Очерки по истории Крыма: В 4 ч. / под общ. ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. Ч. 4. 320 с. Ocherkipoistorii Kryma: V 4 ch. / podobshh. red. I. S. Chirvy. Simferopol': Krym, 1967. Ch. 4. 320 s.
18. Проект «Память...» Интерактивная карта [Электронный ресурс]. URL: <https://память.su/map> Proekt «Pamjat'...» Interaktivnajakarta [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://память.su/map>

19. Проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/>

Proekt «Prestuplenija nacistov i ihposobnikov protiv mirnogo naselenija SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.» [Jelektronny jresurs]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/>

20. Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944) / О. В. Романько. Симферополь: Антикава, 2009. 272 с.

Romanko O. V. Nemeckaja okkupacionnaja politika na territorii Kryma i nacional'nyj vopros (1941–1944) / O. V. Romanko. Simferopol': Antikva, 2009. 272 s.

21. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера: Немецкая оккупационная политика в Крыму: 1941–1944 / О. В. Романько. М.: Вече, 2011. 432 с.

Romanko O. V. KrympodpjatojGitlera: Nemeckaja okkupacionnaja politika v Krymu: 1941–1944 / O. V. Romanko. M.: Veche, 2011. 432 s.

22. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944 / О. В. Романько. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.

Romanko O. V. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoje dvizhenie. 1941–1944 / O. V. Romanko. M.: Centrpoligraf, 2014. 414 s.

23. Романько О. В. Нацистская оккупационная политика на территории Крыма (1941–1944): историография проблемы / О. В. Романько // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70), № 4. С. 140–148.

Romanko O. V. Nacistskaja okkupacionnaja politika na territorii Kryma (1941–1944): istoriografija problemy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2018. T. 4 (70), № 4. S. 140–148.

24. Тяглый М. И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: справочник / М. И. Тяглый. Симферополь: Хесед Шимон, 2005. 120 с.

Tjaglyj M. I. Mesta massovogo unichtozhenija evreev Kryma v period nacistskoj okkupacii poluostrova, 1941–1944: spravochnik / M. I. Tjaglyj. Simferopol': HesesShimon, 2005. 120 s.

25. Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: die Einsatzgruppe D in der südlicher Sowjetunion 1941–1943 / A. Angrick. Hamburg: Hamburger Edition, 2003. 795 s.

26. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies / A. Dallin. London: Macmillan, 1957. 695 p.

27. Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft (1941–1944). Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität / N. Kunz. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. 434 s.

28. Mühlen P. v. zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg / P. v. zur Mühlen. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 256 s.

Savchenko A. S. Nazi policy of genocide during the occupation of Simferopol (1941–1944).

The problem of recognizing the genocide of the peoples of the former USSR during the Great Patriotic War has recently entered the relevant field. The need to study the crimes of the Nazis and their accomplices in the occupied Soviet territories at the present stage is beyond doubt. The facts presented in the article, confirming mass and targeted violence against civilians and Soviet prisoners of war, make it possible to understand the criminal nature of Nazism and the need to condemn it to the fullest extent of the law. This article is an analysis based on new archival sources of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices during the temporary occupation of Simferopol.

Keywords: Nazism, occupation, genocide, Great Patriotic War, Crimea, Simferopol.